

Ю.Е. Федорова

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ МУРТАЗЫ МУТАХХАРИ*

Федорова Юлия Евгеньевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: julia_fedorova@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды Муртазы Мутаххари (1920–1979) – современного иранского мыслителя, крупного идеолога и сподвижника лидера исламской революции 1978–1979 гг. аятоллы Хомейни. Показано, что Мутаххари исходит из главенствующей роли религии в иранском обществе и рассматривает ислам как религию, опорой которой служит разум. Основное внимание сосредоточено на анализе проблемы веры (*иман*) и знания (*илм*), предложенном Мутаххари. Выявлено, что вера и знание у него не составляют дихотомического противопоставления, но представляют собой два взаимодополняющих понятия и осмысливаются как соотношение категорий «внешнее – внутреннее» (*даруни – бируни*). Мутаххари полагает, что утверждение единства веры и знания может быть достигнуто в рамках т. н. «монотеистического мировоззрения» (*джаханбини-и тавхиди*). Знание трактуется как необходимое условие религиозной веры (*иман-и мазхаби*), которая понимается как важнейшее «конституирующее» начало в человеке, иранском обществе и исламском государстве.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, религия, ислам, вера, знание, человек, исламское правление, Иран, Муртаза Мутаххари

Муртаза Мутаххари (1920–1979) принадлежит к числу наиболее крупных идеологов современного Ирана. Его причисляют к блестящей плеяде исламских мыслителей XX в., таких как Джабал ад-Дин Афгани, Мухаммад Абдо, Мухаммад Икбал, Али Шариати и др. Тем не менее в отечественном философском востоковедении идеи Мутаххари не так широко известны и изучены. Корпус его сочинений составляют многочисленные записи лекций, докладов, бесед. Все они свидетельствуют о большом интересе Мутаххари к философии, приверженности идеям иранского философа Муллы Садра (1571/72–1640), теологической проблематике, истории и политике¹.

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Контракт № МК-2406.2017.6 «Философские истоки формирования модели политического устройства в современном Иране».

¹ Algar H. Mutahhari // The Encyclopaedia of Islam. Vol. 7. Leiden; N. Y., 1993. P. 763.

Разделяя взгляды имама Хомейни, мыслитель находился в оппозиции шаху Пехлеви, отстаивал необходимость установления в Иране республиканской формы правления.

В сочинениях «Об исламской республике» (*Пийрамун-и джумхири-и ислами*) и «Об исламской революции» (*Пийрамун-и инкилаб-и ислами*) Мутаххари представил обоснование политической концепции «правление факиха» (*вилаят-и факих*). Она получила закрепление в Конституции Исламской республики Иран, принятой 15 ноября 1979 г. после прихода к власти Хомейни. Концепция *вилаят-и факих* предполагает, что в период «сокрытия» двенадцатого шиитского имама Мухаммада Махди вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках праведного правоведа и знатока фикха (факиха)². Сам Мутаххари не считал необходимым наделять религиозных деятелей государственно-властными полномочиями. Среди их важнейших социальных функций он выделял духовное руководство обществом и определение основных идеологических ориентиров его развития³. Мутаххари искал теоретическую основу для формирования новой идеологии Ирана. Она должна была адаптировать исламские представления об «идеальном» государстве, в котором главенствует религиозный закон и властвует справедливый правитель, к современным социальным реалиям, смене политического строя, научному прогрессу. Разработка новой идеологии во многом зависела от того, насколько успешно Мутаххари удастся решить вопрос о соотношении веры и знания, к которому он обращается в работе «Человек и вера» (*Инсан ва иман*): «Призывают ли знание и вера к разным, прямо противоположным вещам? Стремятся ли знание и вера сформировать нас по-своему? Влекут ли знание и вера в разные стороны? Или же знание и вера дополняют друг друга: знание созидает одну половину человека, а вера – сообразно ей, другую? Что же в итоге дает нам знание, а что – вера?»⁴. В настоящем исследовании мы попытаемся разобраться, какой подход к истолкованию соотношения веры и знания избрал в итоге Мутаххари и достиг ли он поставленной цели.

Проблема соотношения понятий «вера» и «знание» принадлежит к числу наиболее актуальных, сложных и многоаспектных в философии. В истории арабо-мусульманской философской традиции эта проблема сыграла существенную роль, придав мощный импульс ее развитию. Еще на заре формирования философской рефлексии в рамках молодой исламской культуры сложился императив поиска знания (*илм*). Ради обретения мудрости люди пускались в дальние странствия⁵. Ученые мужи следовали негласному обязательству делиться знанием со всеми, кто стремится к нему приобщиться. Знание почиталось высшим достоянием мусульманской общины, определяло облик всей исламской культуры.

² Подробнее см.: Корнеева Т.Г. Концепция «исламского государства» имама Хомейни // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 2. С. 153–162.

³ Подробнее см.: Мутаххари М. Пийрамун-и инкилаб-и ислами [Об исламской революции] // Маджму‘а-и йаддштха ва суханраниха ва мусахибаха-и Муртаза Мутаххари [Собрание записей, докладов и бесед Муртазы Мутаххари]. Т. 1. Тихран, 1994.

⁴ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера] // Мутаххари М. Мукаддамаха-и бар джаханбини-и ислами [Введение в исламское мировоззрение]. Т. 1. Тихран, 1993. С. 23.

⁵ В качестве примера можно привести известный хадис, приписываемый Мухаммаду, который приводит хадисовед ал-Байхаки (994–1066): «Рассказал Абу ‘Атика от Анаса ибн Малика, что Посланник Божий (да ниспошлет Бог ему благословение и мир!) сказал: “Взыщите знание, пусть даже в Китае, ибо поиск знания – обязанность каждого мусульманина”» (*Ал-Байхаки*. Шу‘аб ал-иман [Ветви веры]. Т. 2. Бейрут, 1989. С. 253).

Ислам стал основой нового мировоззрения, в рамках которого понятия «вера» и «знание» оказались не противопоставлены, а взаимосвязаны. В Коране, как указывает Ф. Роузентал, знание и вера были «приравнены одно к другому»⁶. И если в первые века ислама проблема соотношения веры и знания еще не получила теоретического осмысления, то в дальнейшем представители арабо-мусульманской философской традиции начали ставить их тождество под сомнение и активно размышлять о том, как знание соотносится с верой⁷.

Рассуждение о том, как должно быть выстроено соотношение веры и знания, Муртаза Мутаххари начинает с принципиального для него вопроса: почему неверно осмысливать соотношение этих понятий как дихотомическое и каковы последствия такого истолкования? Мыслитель исходит из факта существования двух разных подходов к пониманию соотношения веры и знания. Первый сложился в христианской культуре и исходит из того, что вера противопоставлена знанию, второй, утверждающий, что между ними нет противоречия, – в исламской. Безусловно, сам Мутаххари стоит на позиции «исламского» подхода и, опираясь на него как на истинный, критикует подход «христианский». Главный аргумент его критики можно сформулировать следующим образом: убежденность в том, что вера и знание противоположны (*тазадд*), появилась в христианском мире в результате неадекватного истолкования сюжета о грехопадении Адама и Евы. Мутаххари воспроизводит «неверную» с его точки зрения трактовку второй и третьей главы Книги Бытия:

Согласно этим представлениям о человеке, Боге, познании и неповиновении, воля Бога (религии) была такова, чтобы человек не познал, что есть добро, а что – зло, и не стал знающим. Запретное древо – это древо познания. Человек явил неповиновение (уклонился от исполнения установленного законами и пророками), достиг познания, что и послужило причиной его изгнания из рая. Из этого следует, что все искушения проистекают от искушения познания (*васваса-и агахи*). Таким образом, разум и есть искушитель-шайтан⁸.

Мутаххари приходит к выводу, что в сознании представителей христианского мира (*джахан-и масихий*) укоренилась идея о том, что именно разум ('акл) влечет к искушениям и забвению веры. Это и стало, по его мнению, причиной антагонизма веры и знания, постоянной социальной нестабильности в Европе. Нельзя не заметить, что трактовка христианства как религии, порицающей стремление к познанию, представленная Мутаххари, не отличается особой глубиной и выглядит несколько искаженной и упрощенной. Вероятно, сам мыслитель не мог этого не замечать и даже упрощал специально, преследуя конкретную цель: на контрасте с однобокой трактовкой христианства выделить важные для него положения исламской доктрины, касающиеся понимания знания. И хотя Мутаххари отмечает, что в христианском мире были периоды, когда господствующее положение занимала вера (средневековье) и торжествовало знание (эпоха Просвещения), обозначенные им причины подобного рода явлений представляются не до конца обоснованными.

⁶ Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М., 1978.

⁷ Обстоятельное и подробное исследование проблемы веры и знания в исламской культуре и философии можно найти в работах: Роузентал Ф. Указ. соч.; Фролова Е.А. Проблема веры и знания в арабской философии. М., 1983.

⁸ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 20–21.

В исламском мире (*джахан-и исламий*), утверждает Мутаххари, сложилась диаметрально противоположная ситуация. Свою мысль он подкрепляет ссылками на исламскую доктрину, согласно которой Бог научил человека именам всех вещей, т. е. даровал ему все возможные виды знания, поставил выше ангелов и всех иных существ, сделал своим наместником (халифом) на земле. Мутаххари апеллирует и к сунне, указывая, что для мусульман запретно не древо познания (*шаджара-и агахи*), а древо жадности и алчности (*шаджара-и тама' ва хирс*), т. е. все то, что относится к животной природе человека (*хайванийат*): «Шайтан-искуситель всегда строит козни против разума, потворствуя желаниям животной души (*нафс-и хайвани*). В человеке именно душа, побуждающая к злу (*нафс аммара*) – место явления (*мазхар*) шайтана, а не разум»⁹.

Из высказываний Мутаххари можно сделать вывод о том, что в исламской культуре вера не создает препятствий для развития знания. И это действительно так. Во-первых, ислам всегда позиционировал себя не только как веру в истинного единого и единственного Бога, но и как знание о должном поведении в земной жизни и о способах обретения справедливого воздаяния и счастья после смерти. Согласно мусульманской историографии, появление ислама знаменовало собой наступление эпохи знания, сменившей эпоху невежества (*джахилийя*), когда людям это знание было недоступно. Во-вторых, в процессе формирования исламской культуры религия никогда не отделялась от политики и сферы управления обществом и государством: Мухаммад не разделял функции религиозного вождя, главы мусульманской общины и политического лидера. Этой традиции следовали впоследствии халифы, эмиры и султаны. В-третьих, в исламе отсутствует церковь как социальный институт, деятельность которого связана с разработкой догматики. Если же говорить в целом об отношении к знанию в исламской культуре, то необходимо отметить, что там не существовало разделения на «светское» и «религиозное» знание, оно всегда трактовалось максимально широко, включая основные его типы: религиозное, философское и естественнонаучное.

В поисках нового аргумента в пользу того, что вера и знание в исламе не осмысливаются как дихотомически противопоставленные, Мутаххари обращается к истории исламской цивилизации и вводит два понятия: эпоха расцвета (*аср-и шикуфани*) и эпоха упадка (*аср-и инхитат*). Эпоха расцвета – время гармоничного развития веры и знания в Арабском халифате, которое приходится на т.н. «золотой век ислама» (VIII–XIII вв.). В этот период, когда религия занимала главенствующее положение в жизни общества, активно развивались философия, филология, право, точные и естественные науки, искусство, литература, архитектура, музыка. Времена расцвета в исламском мире сменились упадком, который получил название период «закрытия дверей иджтихада»¹⁰ (XIV–XIX вв.) и, согласно Мутаххари, ознаменовал собой одновременный регресс веры и знания. Было запрещено создавать новые школы исламского права (*мазхабы*), постепенно снижались темпы развития исламской культуры, новаторство уступало место традиционализму. Таким образом, Мутаххари развивает мысль о том, что расцвет и упадок в истории исламской культуры всегда затрагивали и веру, и знание одновременно, возвышение веры не означало низвержения знания, и наоборот¹¹.

⁹ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 21.

¹⁰ Иджтихад (букв. «усердствование») – методы рационального вывода правовых норм на основании уже зафиксированных в Коране и сунне.

¹¹ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 21.

Третьим аргументом об отсутствии прямого противостояния между верой и знанием служит у Мутаххари истолкование их в качестве двух оснований человеческой природы (*инсанийат*). Для мыслителя очевидно, что отличие человека от животного лежит за пределами материального мира, в сфере духовных устремлений и логических умозаключений, – в области веры (*иман*) и знания (*илм*). Он ставит своей целью зафиксировать отличие человека от животного в каком-то одном слове или группе понятий и дает собственное определение: «...человек – это животное, которое благодаря знанию и вере отличается от подобных ему живых существ»¹². Мутаххари утверждает, что вера в Бога и стремление к познанию делают человека человеком. И лишь теперь, выделив веру и знание в сферу исключительной прерогативы человека, мыслитель задается вопросом о том, какова их взаимосвязь (*иртибат*). Мы не можем говорить о взаимозаменяемости (*джанишини*) веры и знания, пишет Мутаххари, ведь невозможно представить, чтобы знание выполняло функции веры, полностью заменило ее, и наоборот:

Несомненно, знание не может занять место веры, ведь она дарует не только просвещение и могущество, но любовь и надежду, поднимает наши устремления на новый уровень. <...> Вера – это инструмент, с помощью которого мы можем изменить свою сущность (*джавхар / махийат*). Вера не может занять место знания и объяснить нам природу, раскрыть ее законы, показать нам нас самих¹³.

Опираясь на свидетельства истории, Мутаххари утверждает, что отделение знания от веры обернулось для нее негативными последствиями, т. к. «когда знание отделяется от нее, вера каменеет и превращается в слепой фанатизм», именно поэтому «веру надлежит познавать посредством знания, в свете знания она удаляется от суеверий и предрассудков»¹⁴. Но и знание без опоры на веру, отмечает мыслитель, теряет устойчивость и верные ориентиры: «...знание без веры подобно клинку в руках пьяницы, светильнику в руках вора в полночный час, с помощью которого он выбирает, что бы украсть. Наш современник, знающий человек, лишенный веры, с точки зрения природы своих поступков и поведения весьма незначительно отличается от жившего в прошлом невежественного и неверующего человека»¹⁵. Итак, согласно Мутаххари, вера и знание не могут рассматриваться как тождественные, взаимозаменяемые понятия. Но и взаимоисключающими и противоположными понятиями они тоже быть не могут, о чем свидетельствуют приведенные мыслителем выше примеры, когда знание оказывалось отделено от веры, а вера от знания. Возникает вопрос – какую же стратегию истолкования веры и знания предпочитает Мутаххари? Для начала рассмотрим функции веры и знания, представленные в его пространном описании:

Знание дарует нам просвещение и могущество, а вера – любовь, надежду и теплоту; знание созидает средства, а вера – цель; знание дает скорость, а вера указывает направление; знание – возможность, вера – благое желание. Знание показывает то, что есть, вера вдохновляет на то, что нужно сделать; знание – внешняя революция, а вера – внутренняя. <...> И знание и вера обладают красотой, но знание – красота разума, а вера – красота души, знание – красота мысли, а вера – красота чувств. И знание и вера дают человеку безопасность: знание – внешнюю, а вера – внутреннюю. Знание

¹² Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 13.

¹³ Там же. С. 27–28.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ Там же.

защищает от болезней, наводнений, землетрясений и штормов, а вера оберегает от тревог, одиночества, ощущения неприкаянности и бесцельного существования. Знание помогает человеку приспособиться к миру, а вера примиряет его с самим собой¹⁶.

Для описания соотношения «вера – знание» Мутаххари привлекает пару категорий «внешнее» (*бируни*) и «внутреннее» (*даруни*), один из вариантов категориальной пары «явное – скрытое» (*захир – батин*). Эти понятия относятся к базовой терминологии, сложившейся в рамках арабо-мусульманской философской традиции. Они привлекаются для описания соотношения пар понятий, которые рассматриваются как противоположащие. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в понимании веры и знания мыслитель как бы воспроизводит смысловые интуиции арабо-мусульманской культуры, связанные с категориальной парой «явное – скрытое». С другой, он пытается учитывать то смысловое содержание категорий «внешнее» и «внутреннее», которое закрепилось за ними в иранской культуре. Чтобы увидеть особенности трактовки Мутаххари, обратимся сначала к осмыслению веры и знания как «явного» и «скрытого», принятому в арабо-мусульманской культуре.

Как уже отмечалось, в арабо-мусульманской культуре знание и вера не составляют дихотомического противопоставления. А.В. Смирнов утверждает, что для данной культуры характерна иная стратегия понимания противопоставления, что служит выражением ее т. н. «логико-смысловой архитектоники». Согласно ей, противоположные понятия не отрицают друг друга, а взаимно обуславливают и переходят одно в другое. Примером понятий, связанных подобного рода отношением, служат «знание» и «действие»: «Знание-переходящее-в-действие производит веру: вера является результатом взаимного онтологического фундирования знания и действия. В этой логике “вера” служит понятием, *обобщающим* “знание” и “действие”, понятием, обеспечивающим их *единство*¹⁷». Благодаря наличию веры снимается противопоставленность знания и действия, она их объединяет, но не включает внутрь себя. Только когда внутреннее знание устанавливает связь и взаимодействует с внешним действием, возникает вера. Таким образом, знание понимается как необходимый элемент для утверждения веры, которая осмысливается как переход знания (скрытое) в действие (явное). Соотношение этих понятий можно представить в виде формулы: «знание <—> действие = вера».

А теперь, с учетом данного понимания веры и знания, мы рассмотрим, как эту формулу трансформирует Мутаххари. Первое, что бросается в глаза в его трактовке соотношения веры и знания, – это кардинальная перестановка основных элементов формулы. Знание взаимодействует не с действием, а с верой. У мыслителя именно вера и знание оказываются двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными сторонами некоего предмета, явления или понятия. Знание здесь соотносится с его внешней стороной – это внешняя революция, красота разума и мысли, внешняя безопасность. А вера – с внутренней – это внутренняя революция, красота души и чувств, внутренняя безопасность. Если, согласно арабо-мусульманской стратегии истолкования, именно вера обеспечивает единство знания и действия, то что же устанавливает единство веры и знания у Мутаххари? Как уже упоминалось, он отстаивает тезис о том, что вера и знание не могут выполнять функции друг друга, хотя и отрицает

¹⁶ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 23–24.

¹⁷ Смирнов А.В. Специфика или инаковость? Проблема соотношения веры и знания и логико-смысловая архитектура культуры // Сравнительная философия: вера и знание в контексте диалога культур. М., 2008. С. 146.

их антагонизм. Значит, мы должны признать, что единство веры и знания невозможно установить путем обнаружения какого-либо сходства. У Мутаххари реализуется иная стратегия понимания единства, которая предполагает объединение двух элементов в некоем третьем. Поэтому его формула приобретает вид: «знание (внешнее) + вера (внутреннее) = ?». Чтобы разобраться, что же является третьим элементом в данном соотношении, обратимся к определениям «веры» (*иман*) и знания (*илм*), которые дает Мутаххари:

...высокие духовные устремления человека, выходящие за пределы его «животной» природы, обнаруживающие в своем основании убеждения и размышления, называются “верой”. <...> Данные вера и привязанность, в свою очередь, являются порождением определенного мировоззрения (миропознания), которое либо передается людям от Бога через пророков, либо некоторые философы стремятся предложить подобного рода размышления (*тафаккур*), которые возвращают веру и идеалы¹⁸.

<...> Знание в широком смысле этого слова представляет собой совокупность размышлений людей о мире, включая и философию, результат коллективных усилий людей, особым образом логически упорядоченный¹⁹.

Мутаххари полагает, что вера и знание определенным образом соотносятся с мировоззрением. Его человек получает либо через пророков, либо усваивает в процессе знакомства с учениями конкретных мыслителей. Таким образом, это мировоззрение может быть религиозным или философским. Знание²⁰ осмысливается Мутаххари как логически выстроенная система взглядов на мир и человека, что также предполагает и философскую рефлексию. Таким образом, именно «мировоззрение» (*джаханбини*) у Мутаххари выступает в роли того самого третьего элемента формулы, которая теперь приобретает свой заверченный вид: «знание (внешнее) + вера (внутреннее) = мировоззрение». Таковы теоретические выкладки мыслителя. Но прежде всего его интересует практическая реализация этой теории. Поэтому Мутаххари формулирует важнейший для него вопрос:

Существует ли такого рода представление о мире и бытии, которое не только пользуется поддержкой со стороны науки, философии и логики, но и могло бы стать прочной основой для благодатной веры?²¹

Во-первых, если можно будет сформулировать основы такого мировоззрения, пишет Мутаххари, то для людей больше не будет угрозы пребывания в состоянии раздробленности, когда приоритет отдается либо вере, либо разуму. Об этом для него свидетельствует печальный опыт Европы: в разные периоды ее истории господствовала либо вера, либо знание, а в людях главенствовало одно из оснований человеческой природы, т. е. они были обречены терпеть страдания либо от невежества, либо от безверия²². Во-вторых, это мировоззрение будет ориентировано на укрепление религиозной веры и в основании своем будет логически непротиворечивым. В-третьих, в рамках этого мировоззрения могло бы осуществляться гармоничное взаимодействие веры и знания, соответствующее функциям и того и другого.

Ответ на свой вопрос Мутаххари излагает в работе «Монотеистическое мировоззрение» (*Джаханбини-и тавхиди*). В ней он рассуждает о мировоззрении особого типа, сформировавшемся под влиянием ислама, которое он

¹⁸ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 11–12.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ В данном случае может быть использовано и второе значение термина *илм* – наука.

²¹ Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера]. С. 22.

²² Там же.

называет «монотеистическим мировоззрением» (*джаханбини-и тавхиди*). В качестве неоспоримых преимуществ мыслитель выделяет его универсальный характер и опору на ряд доктринальных положений, важнейшим из которых является положение о *тавхид* 'аллах – т. е. признании единства и единственности Бога²³. Это положение эксплицирует основное содержание ислама, т. е. его строгий и последовательно утверждаемый монотеизм, ядро исламской доктрины и конституирующий элемент исламского мировоззрения. Именно этот тип мировоззрения Мутаххари помещает в основание т. н. «монотеистической идеологии» (*идиулуджи-и тавхиди*)²⁴. Мутаххари предлагает осмыслить связь мировоззрения и идеологии в виде соотношения теоретической и практической мудрости (*хикмат назарий* – *хикмат 'амалий*). Практическая мудрость (идеология) обусловлена теоретической мудростью (мировоззрением), т. к. та служит ее основанием, а теоретическая мудрость взаимосвязана с практической мудростью, которая воплощает ее в жизнь²⁵.

Мыслитель обратился к проблематике веры и знания, которая получила развитие в его концепции монотеистического мировоззрения, преследуя важную цель – утвердить единство и единственность Бога (*тавхид*) и тем самым заложить теоретическую базу для разработки идеологии исламской республики. И. Гибадуллин, автор единственной монографии о Мутаххари, вышедшей на русском языке, высоко оценивает вклад мыслителя в разработку идеологии нового политического строя Ирана: «М. Мутаххари не только сформулировал основное идейно-теоретическое ядро так называемой исламской идеологии, но и построил на ее основе целостную идеологическую систему, способную дать ответы на все основные мировоззренческие и социально-философские вопросы, волновавшие иранское общество»²⁶. При этом он стремился опираться на методы рациональной аргументации. Бывший ученик Мутаххари, ныне профессор Кума, Махмуд Давари следующим образом описывает метод научного анализа своего наставника: «Он не выстраивает аргументацию, опираясь на один только разум (*'акл*), как либеральный мыслитель, и не ограничивается буквальным толкованием религиозных текстов, как поступают консерваторы. Подкрепляя свои аргументы религиозными текстами, Мутаххари отдает предпочтение рациональной интерпретации. Ссылаясь на священные тексты ислама, он не пренебрегает достижениями человеческой мысли»²⁷.

Эту стратегию исследования Мутаххари демонстрирует в процессе анализа проблемы соотношения веры и знания. Эти понятия он не осмысливает как дихотомически противопоставленные, привлекая в качестве аргументов положения исламской доктрины, историю исламской цивилизации и собственное истолкование веры и знания в качестве оснований человеческой природы. Отталкиваясь от понимания веры как взаимного перехода знания и действия, мыслитель предлагает интерпретацию соотношения знания и веры,

²³ *Мутаххари М.* Джаханбини-и тавхиди [Монотеистическое мировоззрение] // *Мутаххари М.* Мукаддамаха-и бар джаханибини-и ислами [Введение в исламское мировоззрение]. Т. 2. Тихран, 1994. С. 14–15.

²⁴ Подробнее см. статью: *Федорова Ю.Е.* Принцип *тавхид* как основание идеологии исламского правления в Иране (на материале работ Муртазы Мутаххари) // *Вопр. философии.* 2017. № 9. С. 184–194.

²⁵ *Мутаххари М.* Вахй ва нубувват [Откровение и пророческая миссия] // *Мутаххари М.* Мукаддамаха-и бар джаханибини-и ислами [Введение в исламское мировоззрение]. Т. 3. Тихран, 1993. С. 98.

²⁶ *Гибадуллин И.П.* Муртаза Мутаххари и исламская революция в Иране. М., 2015. С. 210.

²⁷ *Davari M.T.* The Political Thought of Ayatullah Murtaza Mutahhari: an Iranian Theoretician of the Islamic State. L.; N. Y., 2005. P. 2.

прибегая к категориальной модели «внешнее – внутреннее». В его трактовке знание (внешнее) и вера (внутреннее) оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными монотеистическим мировоззрением. Если монотеистическое мировоззрение у Мутаххари представляет собой особым образом выстроенное соотношение веры и знания, то вопрос о характере связи между мировоззрением и идеологией так и остается у мыслителя открытым. Т. е. не вполне ясно, говорит ли он о двух разных аспектах (теоретическом и практическом) одной и той же мудрости или же здесь речь идет о высшей, единой мудрости, которая рассматривается как синтез двух разных типов мудрости (теоретической и практической), некий аналог «превознесенной мудрости» Муллы Садр²⁸. В данном случае мы ограничимся тем, что отметим данное затруднение, разрешить которое, по всей вероятности, поможет только тщательное изучение остальных работ Муртазы Мутаххари.

Список литературы

Ал-Байхаки. Шу‘аб ал-иман [Ветви веры]. Т. 2. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмия, 1989. 512 с.

Гибадуллин И.Р. Муртаза Мутаххари и исламская революция в Иране. М.: Садр, 2015. 400 с.

Корнеева Т.Г. Концепция «исламского государства» имама Хомейни // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 2. С. 153–162.

Мутаххари М. Инсан ва иман [Человек и вера] // *Мутаххари М.* Мукаддамаха-и бар джаханбини-и ислами [Введение в исламское мировоззрение]. Т. 1. 8-е изд. Тихран: Интишарат-и Садр, 1993. 74 с.

Мутаххари М. Джаханбини-и тавхиди [Монотеистическое мировоззрение] // *Мутаххари М.* Мукаддамаха-и бар джаханбини-и ислами [Введение в исламское мировоззрение]. Т. 2. 6-е изд. Тихран: Интишарат-и Садр, 1994. 104 с.

Мутаххари М. Вахй ва нубувват [Откровение и пророческая миссия] // *Мутаххари М.* Мукаддамаха-и бар джаханбини-и ислами [Введение в исламское мировоззрение]. Т. 3. 6-е изд. Тихран: Интишарат-и Садр, 1993. 141 с.

Мутаххари М. Пийрамун-и инкилаб-и ислами [Об исламской революции] // *Маджму‘а-и йаддштха ва суханраниха ва мусахибаха-и Муртаза Мутаххари* [Собрание записей, докладов и бесед Муртазы Мутаххари]. Т. 1. 9-е изд. Тихран: Интишарат-и Садр, 1994. 187 с.

Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе / Пер. с англ. С.А. Хомутова. М.: Наука, 1978. 372 с.

Смирнов А.В. Специфика или инаковость? Проблема соотношения веры и знания и логико-смысловая архитектура культуры // Сравнительная философия: вера и знание в контексте диалога культур / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2008. С. 139–154.

Федорова Ю.Е. Принцип *тавхид* как основание идеологии исламского правления в Иране (на материале работ Муртазы Мутаххари) // *Вопр. философии*. 2017. № 9. С. 184–194.

Фролова Е.А. Проблема веры и знания в арабской философии. М.: Наука, 1983. 169 с.

²⁸ Садр ад-Дина аш-Ширази (Мулла Садр) развил идеи своего учителя Мир Дамада (1560/61–1630/31) о противопоставлении «йеменской мудрости» (*ал-хикма ал-йаманиййа*), основанной на пророческом откровении и интуитивном познании, и «греческой мудрости» (*ал-хикма ал-йунаниййа*), опирающейся на логическое доказательство. Садр ад-Дин аш-Ширази создал учение о «превознесенной мудрости» (*ал-хикма ал-мута‘алийа*), которая для него выступала синтезом теоретического знания и мистического откровения, т. е. «греческой» и «йеменской» мудрости Мир Дамада.

Algar H. Mutahhari // *The Encyclopaedia of Islam* / Ed. by C.E. Bosworth, E. Van Donzel, W.P. Heinrichs and Ch. Pellat. New edition. Vol. 7. Leiden; N. Y.: Brill, 1993. P. 762–763.

Davari M.T. *The political thought of Ayatullah Murtaza Mutahhari: an Iranian theoretician of the Islamic state*. L.; N. Y.: Routledge, 2005. 212 p.

The problem of the relationship between faith and knowledge in Murtaza Mutahhari's philosophy^{29*}

Yulia E. Fedorova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: julia_fedorova@mail.ru

This paper deals with the views of Murtaza Mutahhari (1902–1989), contemporary Iranian philosopher and a major ideologue and close associate of Ayatollah Khomeini, the leader of 1978–1979 Iranian Revolution. The author traces the growth of the political doctrine of the so-called ‘Rule or guardianship by a jurist’ (*vilayat-i faqih*), as developed by Mutahhari, and shows that the latter argues for the dominant role of religion in Iranian society on the assumption that the very foundation of the teachings of Islam is reason. The central point of Mutahhari's theory is the problem of the relation of faith (*iman*) to knowledge (*ilm*), in approaching which he follows along the traditional lines of Islamic philosophy. According to Mutahhari, between faith and knowledge there is no strict dichotomy, and indeed they are related to one another as two complementary concepts representing, respectively, the explicit and the hidden sides of the same reality. Knowledge, from this point of view, can be understood as a necessary condition of religious faith (*iman-i mazhabi*) which, in its turn, should be interpreted as one of the basic elements of individual consciousness and the most important ‘constitutive’ principle in man, Iranian society and the Islamic state.

Keywords: philosophy, worldview, religion, Islam, faith, knowledge, man, Islamic rule, Iran, Murtaza Mutahhari

References

Algar, H. “Mutahhari”, *The Encyclopaedia of Islam*, ed. by C.E. Bosworth, E. Van Donzel, W.P. Heinrichs and Ch. Pellat. New edition. Vol. 7. Leiden; New York: Brill, 1993, pp. 762–763.

Al-Baikhaki. *Shu‘ab al-iman* [Branches of the Faith], Vol. 2. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiya Publ., 1989. 512 pp. (In Arabic)

Davari, M. T. *The political thought of Ayatullah Murtaza Mutahhari: an Iranian theoretician of the Islamic state*. London; New York: Routledge, 2005. 212 pp.

Gibadullin, I. R. *Murtaza Mutahhari i islamskaya revolyutsiya v Irane* [Murtaza Mutahhari and Islamic Revolution in Iran]. Moscow: Sadra Publ., 2015. 400 pp. (In Russian)

Korneeva, T. G. “Kontseptsiya “islamskogo gosudarstva” imama Khomeini” [Imam's Khomeini concept of the “Islamic State”], *Islam v sovremennom mire*, 2017, Vol. 13, No. 2, pp. 153–162. (In Russian)

Mutahhari, M. “Insan va iman” [Man and Faith], in: M. Mutahhari, *Muqaddamaha-i bar jahanbini-i islami* [A Preface to the Islamic Worldview], Vol. 1, 8th ed. Tehran: Istisharat-i Sadra, 1993. 74 pp. (In Persian)

Mutahhari, M. “Jahanbini-i tavhidi” [Worldview of Tawhid], in: M. Mutahhari, *Muqaddamaha-i bar jahanbini-i islami* [A Preface to the Islamic Worldview], Vol. 2, 6th ed. Tehran: Istisharat-i Sadra, 1994. 104 pp. (In Persian)

²⁹ * The present study has been completed with financial support from the Presidential Council on Grants for the Public Support of Young Russian Scholars under the Project No. MK-2406.2017.6 *Philosophical Origins of the Model of Political Structure in Modern Iran*

Mutahhari, M. “Vahy va Nubuvvat” [Revelation and Prophethood], in: M. Mutahhari, *Muqaddamaha-i bar jahanbini-i islami* [A Preface to the Islamic Worldview], Vol. 3, 6th ed. Tehran: Istisharat-i Sadra, 1993. 141 pp. (In Persian)

Mutahhari, M. “Piyramun-i inqilab-i islami” [A Discourse on the Islamic Revolution], in: M. Mutahhari, *Majmu‘a-i yaddashtha va suhanraniha va musahibaha* [A Collection of Notes, Statements and Interviews], Vol. 1, 9th ed. Tehran: Istisharat-i Sadra, 1994. 187 pp. (In Persian)

Rouzenthal, F. *Torzhestvo znaniya. Kontsepsiya znaniya v srednevekovom islame* [Knowledge Triumphant. The Concept of Knowledge in Medieval Islam], trans. by S.A. Khomutov. Moscow: Nauka Publ., 1978. 372 pp. (In Russian)

Smirnov, A. V. “Spetsifika ili inakovost’? Problema sootnosheniya very i znaniya i logi-ko-smyslovaya arkhitektonika kul’tury” [Specificity or Otherness? The Problem of the Relationship between Belief and Knowledge and the Logic-and-Meaning Architecture of Culture], *Sravnitel’naya filosofiya: vera i znanie v kon-tekste dialoga kul’tur* [Comparative Philosophy: Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures], ed. by M.T. Stepanyants. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, pp. 139–154. (In Russian)

Fedorova, Yu. E. “Printsip *tavhid* kak osnovanie ideologii islamskogo pravleniya v Irane (na materiale rabot Murtazy Mutakhhari)” [The Concept of *tawhid* as the Basis of Ideology of Islamic rule in Iran (on materials of Murtaza Mutahhari’s works)], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 9, pp. 184–194. (In Russian)

Frolova, E. A. *Problema very i znaniya v arabskoi filosofii* [The Problem of Belief and Knowledge in Arabic Philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 169 pp. (In Russian)